

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 11-го Декабря 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10492.

НА ОТДЫХѢ.

Уже много дней композиторъ Федоровъ думаетъ, что сегодня послѣдній вечеръ онъ остается въ Ницѣ. Тихо наползаютъ вечернія сумерки. На променадѣ des Anglais почти пустуютъ всѣ скамейки. Шумный городъ, прославленный карнаваломъ, цвѣтами и дороживизной, отдыхаетъ въ лѣтніе мѣсяцы. Голубое море спокойно, почти не слышно прибоя. Въ прозрачномъ воздухѣ отчетливо выступаютъ абрисы горъ. Далеко въ высотѣ показалась быстро движущаяся точка. Сидѣвшіе поднялись съ мѣста и громко заговорили.

— Это изъ Монте-Карло.

— Вы говорите—Фарманъ? Ничего подобнаго. Это Блеріо. Посмотрите, вы видите движение тѣла, а не галлерею биплана съ потолкомъ и поломъ...

Новый голосъ рѣшительно сказалъ:

— Hein, c'est l'appareil Bleriot...

Большая птица, унося мечту и жизнь человѣка, скрылась высоко вдали.

На время занятый полетомъ, Федоровъ забылся. Его мысли понеслись вслѣдъ за авіаторомъ. Тамъ жизнь и смерть идутъ неразлучно—подумалъ онъ. Эти люди должны вѣрить въ успѣхъ своего дѣла и ни въ чемъ не думать. Каждая минута для него можетъ быть послѣдней. Смерть... Послѣдній жестъ жизни и всему конецъ. Да хорошо еще, если смерть настоящая, а неразбитое, изувѣченное тѣло, которое только живетъ для мученій. Федоровъ быстро отогналъ отъ себя эти мысли. Онъ боялся всякихъ страданій и сознательно уходилъ отъ настоящей жизни. Вездѣ онъ искалъ только красаваго. Всѣ его композиціи носили элегическій характеръ. Это были тихіе разсказы въ звукахъ, описание ласковой природы, нѣжный шепотъ любви, спокойное сіяніе звѣздъ.

Проходя, какая-то дама громко прошила своего спутника узнать по телефону, какъ прибылъ авіаторъ.

— Я такъ боюсь смерти—езволнованно сказала она.

При словѣ „смерть“ Федоровъ вспомнилъ свою сестру. Молодая, красавая, она умерла быстро, неожиданно для всѣхъ. Во все время болѣзни онъ не оставлялъ еї. Когда докторъ сказалъ: еще нѣсколько часовъ, и все будетъ конечно,—онъ пассивно отнесся къ этому. Перенесъ ее въ свой кабинетъ, сѣлъ у ея изголовья и ожидалъ конца... Больная зашевелилась... Онъ видѣлъ ясно, что къ нимъ въ комнату вошла грустная женщина и остановилась у рояля. Она перебирала клавиши верхней клавиатуры. Ей было тѣсно, пальцы путались. Бѣдная

Арабы, разсѣянные бомбами авіатора въ Триполи.

матъ рыдала въ сосѣдней комнатѣ... Вотъ кто-то взялъ громкій аккордъ, но онъ невѣрный. То были послѣдніе хрипы умирающей. Черная женщина, тяжело дыша, уже набросила бѣлое, холодное покрывало на больную. Дыханія не слышно. Въ комнатѣ все замерло. Передъ нимъ была оконченная жизнь. Онъ помнить свой порывъ. Его потянуло къ роялю. Чтобы забыть эти странные звуки, онъ взялъ нѣсколько громкихъ минорныхъ аккордовъ и вышелъ изъ комнаты... Въ памяти до болѣзnenности были живы воспоминанія о минувшемъ. Федоровъ вздрогнулъ. Онъ боялся ихъ. Вотъ уже 2 мѣсяца, какъ онъ не выноситъ музыки и бѣжитъ отъ нея. Въ Ницѣ онъ отдыхаетъ и рѣшительно отказался отъ модныхъ курортовъ. Здѣсь онъ познакомился съ русской дамой. Его захватила ихъ дружба, дружба особенная. Онъ боялся назвать ее связью. Онъ зналъ, что она чужая, что у нея есть мужъ. Онъ боялся задумываться надъ этимъ и ни однимъ вопросомъ не тревожилъ свое близкое будущее. Она тоже молчала. Ихъ взаимное согласіе углубляло привязанность, нѣжную довѣрчивую и, ему казалось, глубокую. А теперь, когда приходитъ времія, и ему надо возвратиться къ дѣйствительности, его мысли часто останавливаются надъ вопросомъ: какъ

будетъ? Безсильный разрѣшить его, онъ утѣшає себѧ: еще не поздно, есть завтра...

Онъ посмотрѣлъ на часы и удивился. За все время ихъ свиданій она никогда не опаздывала. Онъ прищурилъ глаза и внимательно уставился въ даль. Широкая набережная была видна до большого кіоска съ объявленіями, противъ котораго былъ ея отель.

Послѣдніе дни и такая случайность, подумалъ онъ. Впрочемъ, такъ лучше. Съ моей стороны не можетъ быть отступленій. Я скажу ей: у меня нѣтъ плана на будущее. Я переѣду, куда ты укажешь. Тамъ, на мѣстѣ, мы устроимъ наше будущее...

Ему стало легко и пріятно отъ такого прямого рѣшенія мучившей его мысли. Онъ снялъ съ головы свой фетръ, удобнѣе облокотился на спинку скамейки. Его мысли, по привычкѣ, сейчасъ же перевели все передуманное на музикальную тему. Она готова. Мечты на берегу моря. Все такъ просто, ясно въ мысляхъ, гармонія во всемъ. Мягкие контуры береговой линіи, свѣжій, прозрачный воздухъ, недвижимая латанія и платаны надъ головой, рокотъ воды, мелкая брызги морского прибоя, ихъ двое...

Его обозвалъ красивый женскій голосъ.

— Этьенъ, ты опять весь въ звукахъ. Я уже стою около тебя нѣсколько минутъ и вижу, что ты путешествуешь гдѣ-то далеко. Скажи, съ авіаторомъ или слагаешь композицію?..

— Здравствуй, милая.—Онъ нѣжно протянулъ къ ней обѣ руки и привлекъ ее къ себѣ.

Молодая особа въ модномъ шелковомъ балахонѣ синяго цвѣта опустилась рядомъ. Красивый овалъ блѣдно-матового лица, большие каріе глаза, модная прическа съ большимъ темнымъ шиньономъ дѣлали ее замѣтной.

— Ты знаешь, Nino, уже поздно. Это не совсѣмъ нашъ часъ. Мы хотѣли сегодня еще покататься на яхтѣ.

— Да, но ты такой странный. Ты не спросишь, отчего опоздала Nino, какъ будто бы и ничего не случилось...

— Совсѣмъ напрасный упрекъ. Я все время думалъ о тебѣ и, конечно, былъ далекъ отъ дурныхъ мыслей. Дѣвочка здорова, да?..

Федоровъ пріостановился. У него не было рѣшиности сказать ей все, что было такъ просто и ясно въ ея отсутствіе. Днемъ раныши или позже, подумалъ онъ, не все ли равно? Объясненіе можно отложить и на завтра. Что-то радостное, какъ будто вновь найденное, счастливое наполнило его. Въ эту минуту она была особенно дорога ему, и новая, свѣтлая мысль осѣнила его:

— Не сказать ли ей прямо: я требую, во имя нашего чувства, разорви со своим прошлым. Будь мою навсегда здѣсь и въ Россіи. Твой ребенок миѣ таѣ же дорогъ, какъ и ты...

Онъ молча потянулся къ ея рукѣ.

— Этьенъ, ты сегодня особенно нѣженъ. Такъ лучше для моего объясненія. Я опоздала потому, что я кончала свои приготовленія къ отѣзду. Мужъ торопитъ въ письмѣ. Ему хочется встрѣтить насъ въ дорогѣ и завезти въ имѣніе къ роднымъ до начала осени. Я должна спѣшить въ Парижъ, чтобы заказать себѣ платья. Тамъ меня ожидаютъ деньги. На зиму надо имѣть нѣсколько туалетовъ du premier magasin. Я такъ засидѣлась здѣсь.—Она лукаво посмотрѣла на него и спросила съ усмѣшкой:

— Тебѣ, конечно, известно—почему...

Такая же нѣжная, какъ всегда, она говорила это просто, безъ всякой борьбы, безъ опасенія сдѣлать больно другому.

— И тебѣ не жаль ничего? А что же дальше?

Немного возбужденная, она твердо сказала, какъ готовый отвѣтъ:

— Меня призываешь долгъ... Смотри, мой дорогой, будь остороженъ при слушаѣ; обо мнѣ ни слова. Безпечная жизнь хорошенькой жены и молодой матери оплачивается полнымъ рабствомъ. Мужъ не потерпитъ никакихъ резоновъ. Я его раба и только отдыхаю для себя на вакаціяхъ...

Федоровъ молчалъ. Ея твердый, уверенный тонъ смутилъ его своей неожиданностью. Оль подняла на нее глаза и впервые увидѣла ее смѣлу, защищающуюся...

— И тебѣ не жаль ничего?—еще разъ спросилъ онъ.—И для тебя все такъ просто и такъ легко? А я только сейчасъ понялъ, что быль бы не въ силахъ сказать тебѣ то, что услышалъ отъ тебя... Nino, если ты меня понимаешь и цѣнишь мое вдохновеніе, не будь жестокой... Подумай... Парижъ подождетъ... Рѣши. Если тебѣ хорошо со мной, будь моей на будущее. Мы найдемъ путь, который честно соединить насть...

Ее какъ будто испугали эти слова. Она посмотрѣла на него, желая убѣдиться, онъ ли это говорить такъ серьезно.

— Оставь, довольно, что ты придумаѣ? На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мыслей. Не обижай меня...

Эта фраза сильно рѣзнула Федорова. Они замолчали. Молчаніе было тяжелое. Федоровъ слышалъ бѣеніе своего сердца и, чтобы отвлечь вниманіе, весь устремился къ морю. Волны тихо перекатывали камешки. Слышался красивый, глухой трескъ... Она заговорила:

— Этьенъ, не огорчайся. Ты будешь работать, сочинять. У тебя есть талантъ и имя. Ты обрученъ съ искусствомъ и неразлученъ съ нимъ. Стани

Запасные солдаты,—герои дня въ Италии.

В. П. Буренинъ.

По поводу пятидесятилѣтія его литературной деятельности.

райся сдѣлаться знаменитостью, и тогда все достичмо однимъ именемъ...

Фразы выходили дѣлаными. Голосъ, полный раздражительности и нетерпѣнья, не подчинялся выдержанности. Она поняла это и оборвала...

— Не правда ли, какое хорошее мое сегодня?... Этьенъ, это твое тихое море... Волны такъ красиво и сильно перекатываются на песокъ камешки и раковинки... Знаешь, я передумала. Я хотѣла щѣхать завтра, но, чтобы не туманить хорошихъ воспоминаній, я лучше выѣду сегодня ночью. Завтра въ Парижъ я успѣю отдохнуть, чтобы начать бѣготню. Я сейчасъ вернусь въ отель, а ты похлопочи о билетахъ

для меня и для бонны и зайди ко мнѣ. Впрочемъ, ты же будешь на вокзалѣ...

Федоровъ медленно поднялся со скамейки и сказалъ:

— Какъ хочешь...

**

Далеко за полночь. Ночное кабаре на улицѣ Masséna полно гостей. За большимъ столомъ шумная компания. Молодая нубіанка, модная танцовщица шантана, окружена всей мѣстной богемой. Она протяжно, не совсѣмъ чисто говоритъ по французски, и, когда раздается неудержимый смѣхъ ея свиты, она швыряетъ салфетку или выплескиваетъ вино изъ стакана въ лицо виновника.

Федоровъ только что вернулся съ вокзала. Ему захотѣлось затеряться среди незнакомыхъ людей, чтобы не чувствовать своего одиночества. Напутствованный добрыми пожеланіями, онъ старался припомнить ея послѣдній разговоръ. Ни одного намека на желаніе встрѣтиться. Какъ будто все оборвалось разомъ. „Если будете давать концертъ въ Петербургѣ, не забудьте и меня“. Это общая фраза, которую можно услышать и отъ всякаго знакомаго. Гдѣ же ея искренность, доброе

сердце, сожалѣніе къ страданіямъ другого? Онъ съ горечью мысленно повторилъ ея фразу: „Я отдыхаю для себя на вакаціяхъ“ и съ усмѣшкой прибавилъ: перемѣна вкуса по сезону. Новые перекаты каждое лѣто... Значить, сколько ихъ было?... Ему стало обидно за свои мысли. Онъ оглянулся и приказалъ подать себѣ холодной воды съ коньякомъ.

— Компatriotъ, monsieur le russe,—закричалъ черезъ столъ молодой человѣкъ,—вы мало подъяntariли воду. Прибавьте еще и много еще, только не все, оставьте и для меня.

— Garçon, encore un verre d'eau glas e, указалъ онъ на столикъ Федорова. Худой, стройный, въ безукоризненномъ костюмѣ шоколадного цвета, въ бѣломъ галстукѣ, завязанномъ а la Мицкевичъ, онъ протянулъ руку Федорову.

Художникъ, которому тѣсно въ обширной Россіи. Онъ скитаются по кабакамъ Ривьеры. Ему опротивѣло все однообразіе разнообразной жизни. Я не мѣшаю вамъ? Я могу умѣло молчать...

— Пожалуйста, я очень радъ,—смущенно сказалъ Федоровъ.

— Сегодня вы одни. Глазъ навыкаетъ видѣть и замѣтать однихъ и тѣхъ же людей на прогулкахъ и въ ресторонахъ. Ваша русская, она уже уѣхала?

— Да.

— Вотъ и причина вашего минора. Могу угѣшить васъ многократнымъ опытомъ. Маленькая связь на курортѣ и внезапный отѣзду. Не удивляйтесь, если это порядочная женщина изъ общества. Это тѣ же разрушительницы... У нихъ все культурно, тонально, прикрыто самой утонченной искренностью. Онъ умны, развиты

Онъ захватываютъ васъ высшими интересами, но дѣйствуютъ съ тѣмъ же корыстнымъ разсчетомъ, какъ и эти,—онъ указалъ на танцовщицу.—Въ ихъ обиходѣ полное отсутствіе понятія о чести семьи, о совѣсти, о возможныхъ страданіяхъ. Онъ ищутъ средства, удовольствій или рекламы. Принадлежать на срокъ, даже на самый короткий, какой-нибудь известности,—это ихъ мечта. Каждая изъ нихъ ищетъ быть пассажиркой не только смѣлага авіатора, но даже и очень сомнительной известности...

Нубіанка умоляла громкимъ голосомъ.—Завтра изъ Монте-Карло на Антибъ вдвоемъ на Фарманъ... Умоляю...

Молодой пилотъ итальянецъ отрицательно качалъ головой:

— Non posso, signore...

— Ты увидишь, что можно. Это будетъ завтра, черезъ ночь...

Она красивымъ изгибомъ протянула ему обнаженную руку, всю въ бриллиантовыхъ кольцахъ, сверкнула влажной бѣлизной зубовъ и, закативъ глаза, перегнула спину.

— Сегодня со мной, а завтра ты самъ скажешь: Si signore...

— Вотъ вамъ...—сказалъ художникъ—вѣдь одно и тоже. Все до стижимо даже при маленькой известности. Вамъ тяжело сегодня, но это пока, конечно... Ихъ низменность, недостатокъ помогаютъ забывать наши тяжелыя переживанья. Хотите, поѣдемъ на море встрѣтить восходъ солнца. Мой моторъ ожидаетъ у ресторана.

Они молча встали.

Нубіанка осипшимъ голосомъ закричала имъ вслѣдъ:

— Русскіе князья, пріѣзжайте завтра въ Монте-Карло. Я буду пробовать счастье вдвойнѣ. Рулетка и полетъ на Антибъ. Туда и обратно на крыльяхъ...

Всю дорогу до пристани они молчали. Художникъ выбралъ яхту и распорядился привезти вина... Подгоняя тихимъ вѣтромъ, яхта быстро неслась вдоль берега, выходя на морской просторъ. Красивое темное небо, полное звѣздъ, безучастно смотрѣло на воду. Высокія тѣни казались воздушными.

Группа учениковъ театральной школы г-жи О. Н. Масловой.

(Съ фотографіи М. Я. Лединского).

„Псиша“ на сценѣ Городскаго театра.

Г. Бородинъ.

(Калугинъ).

Г-жа Янушева

(Псиша).

Г. Колобовъ

(Турка).

Федоровъ продолжалъ молчать и думалъ:

Одна, только одна природа не обманываетъ насъ своей красотой.

Ея краски неизмѣнчивы и правдивы. Она вѣчная... Ей одной будегъ служить мое искусство.—Въ его головѣ слагалась новая тема: присвѣтъ звѣздъ. Онъ поднялъ голову кверху и остановился, ища красивую Каппелу.

Monsieur Федоровъ,—обозвалъ его художникъ,—бросьте думать о земномъ. Мы скоро увидимъ восходъ солнца. Если вы не хотите вернуться домой, мы остановимся въ бухочкѣ у Эстерельскихъ вершинъ. И вы слагайте гимнъ восходящему свѣтилу, а я вздренму.

A. Копытовская.

СМѢСЬ.

Новое о Наполеонѣ I.

„Journal des Débats“ знакомить своихъ читателей съ интересными мемуарами княгини Радзивилль, недавно изданными правнукомъ княгини. Центральной фигурой этихъ мемуаровъ является Наполеонъ I. Послѣ разгрома Пруссіи онъ чувствуетъ себя наверху могущества и счастья. Въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ I онъ высказываетъ слѣпую вѣру въ свою счастливую звѣзду. „Я вѣрю въ Божественный Промыселъ, который всегда за меня. Я знаю по многому опыту, что враги всегда нападаютъ на меня какъ разъ въ самомъ укрѣплѣнномъ пункѣ и никогда не пользуются благопріятными для нихъ обстоятельствами. Мнеъ во всемъ сопутствуетъ безумное счастье. Однажды въ Египтѣ я прилегъ у стѣны древняго храма и вскорѣ заснуль крѣпкимъ сномъ. Внезапно меня разбудилъ какой-то зловѣшій трескъ. Я вскочилъ на ноги и окаменѣлъ отъ изумленія: оказалось, что стѣна рухнула. Для меня осталось непостижимой загадкой, какимъ образомъ я спасся отъ неминуемой гибели. Когда же прошелъ первый испугъ, я замѣтилъ,

что у меня въ рукѣ крѣпко зажатъ маленький круглый предметъ. Я разжалъ руку и увидѣлъ изумительной красоты камею съ изображеніемъ сурогаго профиля Августа. Каменныій дождь пролетѣлъ мимо моей головы, я же во снѣ поймалъ налету драгоценную камею. И такъ всегда самая грозная опасности обращались во благо для меня“,—и лицо Наполеона озарилось самодовольной улыбкой.

Далѣе княгиня Радзивилль рассказываетъ любопытный случай изъ пребыванія Наполеона въ Тильзитѣ. Красота королевы Луизы произвела сильное впечатлѣніе на Наполеона. Королева хотѣла воспользоваться минутнымъ увлечениемъ императора и уговорить его оставить Пруссію лѣвой берегъ Эльбы: „Я буду счастливъ если мнѣ удастся исполнить вашу просьбу. На васъ сегодня великолѣпное платье. Гдѣ оно заказано?“—„У насъ въ Пруссіи“,—отвѣтчила королева.—

Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ маіоръ спѣлся пенсионеромъ, онъ даетъ очень много на благотворительные цѣли.

— О, да! Добрякъ видитъ теперь въ каждомъ штатскомъ товарища по несчастью.

(„Flied. Blatt.“).

„Въ Бреславлѣ или въ Берлинѣ?“—озабоченно освѣдомился императоръ. „Но ваше величество не обѣщали мнѣ ничего опредѣленного. Надъ моей родиной нависла смертельная опасность, и мое сердце обливается кровью“,—и королева, не будучи въ силахъ больше удерживать свое волненіе, заговорила страстно и убѣжденno. Какой то мягкий свѣтъ блестнулъ въ глазахъ у императора. Но внезапно обѣ половинки двери распахнулись, и на порогѣ показалась массивная фигура короля. Въ глазахъ императора погасла добрая улыбка. „Онъ вошелъ въ комнату какъ разъ въ ту минуту, когда я хотѣлъ утѣшить патріотическую скорбь королевы“,—сказалъ онъ на слѣдующій день императору Александру.

Патти въ Россіи.

Въ издающемся въ Лондонѣ „Музикальномъ Курьерѣ“ помѣщена бесѣда сотрудника съ знаменитой Аделиной Патти.

На вопросъ сотрудника, окончательно ли брошена ею сцена и эстрада,—запамятнит пѣвица отвѣтила:

„Сцена—да, а эстрада—нѣть. Прежде чѣмъ я окончательно брошу эстраду, я рѣшила еще разъ выступить на эстрадахъ тѣхъ странъ, которымъ сыграли немаловажную роль въ моей артистической жизни.“

Въ особенности я стремлюсь погостить въ Россіи, съ Петербургомъ и Москвой которой у меня связаны чудныя, миляя воспоминанія.

Мы, «старухи сцены», на старости лѣтъ вѣдь живемъ исключительно воспоминаніями молодости: изъ всѣхъ трофеевъ они намъ остаются и служатъ сильной нравственной опорой.

Въ Петербургѣ и въ Москвѣ у меня

много старыхъ друзей и знакомыхъ; да и хочется побывать въ Россіи, взглянуть на нее.

Я давно говорила, что Россія зайдетъ выдающее положеніе въ «европейскомъ музыкальномъ концертѣ», и, какъ видите, я не ошиблась: русские композиторы, пѣвцы и балетъ имѣютъ право претендовать на признаніе ихъ „первоклассными художниками“.

Въ Россію, вѣроятно, пойду еще до Пасхи, оттуда въ Италию, Парижъ, Вѣну и Берлинѣ и окончательно прощуясь послѣ этого турнѣ съ эстрадой“...

Аделина Патти въ настоящее время выступаетъ разъ въ году на традиционномъ ежегодномъ придворномъ концертѣ въ Лондонѣ.

100,000 рублей за поцѣлуй.

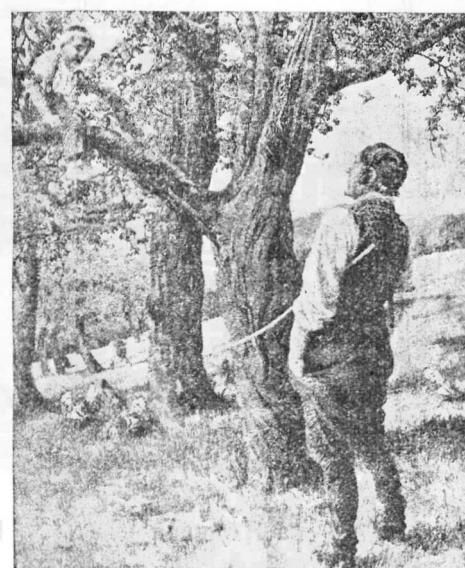
Любопытный судебнѣй процессъ проходилъ въ Нью-Йоркѣ. Извѣстный миллионеръ Россель годъ тому назадъ познакомился съ известной красавицей Еленой Удроффъ, плѣнился ея красотой и сталъ часто навѣщать ее. Во время одного изъ такихъ посѣщеній она позволила ему поцѣловаться съ себѣ, но предварительно заручившись обѣщаніемъ Росселя, что онъ на ней женится. Обѣщаніе свое, данное въ присутствіи третьаго лица, Россель не сдержалъ, и миссъ Удроффъ предъявила искъ къ нему въ 100,000 руб. Послѣ недолгаго совѣщанія, судъ полностью удовлетворилъ требование Удроффъ.

Молодой супругъ. Какъ глупо! Намъ надо было слѣзть на предыдущей станціи.

Кондукторъ. Да, вы проѣхали на два поцѣлуя больше.

(„Flied. Blatt.“).

— Ты что дѣлаешь тамъ, на яблонѣ, негодай?

— Прогоняю воробьевъ съ дерева.

Уничтоженіе почтовыхъ марокъ.

Собиратели почтовыхъ марокъ должны быть въ отчаяніи: скоро имъ нечего будетъ собирать. Почтовымъ маркамъ и, вообще, всякимъ знакамъ почтоваго вѣдомства приходитъ конецъ. Вместо нихъ въ употребленіе вводится машина, съ которой уже дѣлаются опыты въ Берлинѣ. Эта машина, напоминающая по своему устройству счетную, сама кладетъ штемпель на вложеннное въ нее письмо послѣ того, какъ въ нее опущена монета соответствующаго достоинства. Такимъ образомъ, избѣгается возня съ почтовыми марками, а для почтовыхъ чиновниковъ сберегается время, которое тратится на

штемпелеваніе. Въ то же время дѣлаются невозможными поддѣлки почтовыхъ знаковъ. Эта машина изобрѣтена въ Новой Зеландіи, гдѣ она нашла себѣ широкое распространеніе. Тамъ почтовое вѣдомство само выдаетъ крупнымъ фирмамъ и даже частнымъ лицамъ такія машины-счетчики, по которымъ уплата производится въ извѣстные сроки.

Шахматный матъ на званіе чемпіона міра.

Находящійся въ данное время въ Берлинѣ шахматный чемпіонъ, д-ръ Э. Ласкеръ, получилъ вызовъ на матъ со стороны Казабланка, получившаго въ нынѣшнемъ турнірѣ въ Санть-Себастіано первый призъ.

22-лѣтній кубанецъ, несмотря на свое недавнее появленіе среди звѣздъ шахматнаго міра, пріобрѣлъ уже много поклонниковъ, которые готовы поддержать его въ борбѣ съ Ласкеромъ. Ласкеръ въ принципѣ выразилъ согласіе на этотъ матъ и выставилъ слѣдующія условія: 1) матъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока у одного изъ противниковъ не будетъ выиграно шести партій, причемъ ничьи не считаются; 2) общее число сыгранныхъ партій не должно превышать 30, а если за это время ни у кого не будетъ выиграно 6 партій, побѣдителемъ будетъ тотъ, у кого будетъ наибольшее количество выигранныхъ партій.

